

Архаизация и неотрадиционализм: русские региональные формы*

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ),

М. Ш. АБДУЛАЕВА

(ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Актуализация архаических социокультурных программ в регионах России, которая произошла в 1990-е годы, имеет свои вариации. Они обусловлены социокультурными традициями разных народов. Для анализа данных процессов коллектив исследователей создал научно-исследовательскую базу данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма» (www.neoregion.ru).

Архаизация рассматривается нами как процесс стихийного, неосознанного массового обращения к архаическим культурным смыслам и социальным практикам, который возникает в ряде обществ в условиях кризиса модернизационного развития. Процесс архаизации тесно переплетен с неотрадиционализмом как осознанным процессом возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества. В статье представлено обобщение выделенных форм данных процессов в Сибири и на Северном Кавказе.

На территории Сибири выделены такие формы неотрадиционализма, как религиозная, празднично-обрядовая, культурно-хозяйственная, а также идеологическая, фольклорно-музыкальная. На Северном Кавказе — религиозная, социально-этическая, идеологическая, социально-политическая. Выделенные тенденции архаизации и формы неотрадиционализма достаточно условны, взаимопересекаются, взаимосвязаны.

Рассматриваемые процессы в Сибири и на Северном Кавказе имеют много сходного. Прежде всего речь идет о процессах религиозного неотрадиционализма, который тесно связан с социальной сферой. Различия отмечаются в разной степени жесткости социальных связей и отношений, которая во многом обусловлена религиозными установками и в целом разницей уровней традиционной социокультурной жизни, которой достигли народы в ходе своего исторического развития до XX в.

Ключевые слова: архаизация, неотрадиционализм, Сибирь, Северный Кавказ, формы неотрадиционализма, религиозное возрождение, клановость, неошаманизм, исламизация.

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация архаических социокультурных программ, вариации которых по России обусловлены особенностями культурных хозяйственных традиций разных народов, возникла на волне реакционного отторжения кардинальных социальных реформ в стране, начатых в 1990-е годы, а также связана с действием социальных адаптационных механизмов (Ламажая, 2009; 2011; 2013). Архаизационные процессы тесно переплелись с новыми проявлениями традиционализма, в том числе неотрадиционализма.

Для анализа данных процессов коллектив исследователей под руководством Ч. К. Ламажая разработал и приступил к созданию научно-исследовательской базы

* Подготовлено в рамках работы над проектом «Научно-исследовательская база данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации»» (грант РФФИ № 13-03-12005В).

The article was prepared within the framework of the project “Russian Models of Archaization and Neotraditionalism under Conditions of Modernization: A Research Database” (supported by Russian Foundation for the Humanities, grant No. 13-03-12005В).

данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма» при поддержке гранта РГНФ (www.neoregion.ru). Теоретические работы здесь размещаются одновременно с анализом региональных вариантов, которые рассматриваются в группировке регионов по восьми федеральным округам: Центральный, Южный, Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Северокавказский. Подобная группировка сделана для оптимизации схемы сбора научной литературы, которая составляет основу базы данных, а также потому, что данный массив неравномерен.

АРХАИЗАЦИЯ И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Архаизация рассматривается нами как процесс стихийного, неосознанного массового обращения к архаическим культурным смыслам и социальным практикам, который возникает в ряде обществ в условиях кризиса модернизационного развития. Наиболее ярко подобный процесс мы наблюдали и продолжаем наблюдать прежде всего в России и других странах постсоветского пространства.

При этом мы понимаем, что процесс архаизации тесно переплетен с рядом других процессов, в частности с *неотрадиционализмом* как осознанным процессом возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества. Наше внимание сосредоточено прежде всего на этих двух процессах, возникающих при определенных социальных условиях, в данном историческом контексте (Ламажаа, 2010). Тесное переплетение их выражается в том числе в поддержке и попытках развития приверженцами возрождения этнической культуры (политическими, интеллектуальными элитами) ряда архаических традиций, востребованность которых у широких масс очевидна.

Тем самым в рамках нашего исследования мы рассматриваем объективно сложившиеся социальные процессы и явления, а также организованные общественные, культурные движения, суть которых заключается в двоякой реакции общества на кардинальное реформирование. Люди могут стихийно обращаться к социокультурному опыту, составляющему ядро их культуры, поскольку «включаются» механизмы сложного соотношения культуры и социальных отношений (Ахиезер, 1997). При этом люди в самых кризисных условиях таким образом пытаются выживать, но и в более стабильной обстановке могут сознательно выбирать определенные традиции, восстанавливать их, придерживаться и стараться развивать. Задачи, которые решает такая стратегия, могут быть разные: физическое выживание, укрепление и развитие идентичности, воспитательные задачи, политические интересы, получение прибыли и пр.

В связи с яркими проявлениями процессов архаизации и неотрадиционализма, на наш взгляд, особенно интересны регионы Сибирского федерального округа (СФО) — Сибири и Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) — Северного Кавказа. Рассмотрим их.

СИБИРЬ

Сибирские регионы, прежде всего с этнической культурой населения (Алтай, Тува, Бурятия, Хакасия), весьма показательны в плане развертывания подобных процессов и движений. Феномены архаизации здесь выразились в первую очередь в натурализации хозяйственной деятельности, в актуализации архаических представлений о земле

как территории коллективного пользования родов и отторжении идеи частной собственности на землю; в массовом возрождении архаических семейно-родовых объединений и правил взаимопомощи; в возрождении значения скота как ценности, элемента богатства, мерила материального благополучия (экономическая волна архаизации). В пространственно-временных представлениях стало заметным проявление архетипов гор, например как маркеров границ локализованного мира; актуализировались циклические, предметные характеристики времени (культурная волна архаизации); изменения произошли в усилившейся дистанцированности этносов, этнических групп, родоплеменных образований друг от друга (социальная волна архаизации). Политическая волна архаизации проявилась в клановости во власти с построением клановых корпораций вокруг глав регионов, с участием их семей, ближайшего окружения и земляков, решавших архаические задачи самообеспечения и защиты своих интересов. Острота данных процессов, масштабность и стихийность пришлось на 1990-е годы (Ламажаа, 2013).

Сейчас, спустя два десятка лет, относительная экономическая стабилизация позволила ряду процессов принять оформленный характер. Традиции стали в отдельных местах особой заботой социальной, культурной политики властей. В традиционных видах деятельности часть населения стала находить возможности не просто для самоидентификации, но и для предпринимательства. Разумеется, речь не идет о масштабном распространении данных процессов, не о том, что региональные программы полностью выполняются и что опора на традиции у предпринимателей ставит своей целью только социально значимые задачи. Ряд инициатив имеет столь узкую направленность, что исследователи характеризуют их даже с приставками «псевдо», «лже», «квази» и пр. Наше внимание направлено не на столь крайние варианты, хотя не может не учитывать и их наличие.

Формы неотрадиционализма в Сибири исследователи, в частности Ю. В. Попков, С. А. Мадюкова, рассматривают в обрядах жизненного цикла, ревитализация которых способствует воспроизводству этничности в условиях современного кризиса этнической идентичности (Мадюкова, Попков, 2011). В. А. Лапшин, анализируя проявления неотрадиционализма в Центральной России, например, пишет о следующих формах: фольклорно-этнографической (связанной с воспроизводством фольклорных традиций русской этнической культуры); военно-этнографической (представленной в деятельности организаций, занимающихся возрождением русских воинских традиций); неоязыческой (разворачивающейся в реконструкции, подражании древним языческим учениям, духовным практикам у этнографических движений и псевдоучений) (Лапшин, 2014). Интересным можно назвать подход Е. В. Николаевой, которая, понимая неотрадиционализм как включение в современность разрозненных элементов мифологизированных и многократно реинтерпретированных исторических традиций, рассматривает «цитатные» вкрапления архаики в текст современной культуры и анализирует традиционные категории в российской культуре повседневности: Начала, Переходности, Истории, Государственности, Земли, Слова, Соборности (Николаева, 2004).

Проявления неотрадиционализма, который исследователи изучают на территории Сибири, также можно анализировать с разных позиций. Мы выделили такие формы неотрадиционализма, как религиозная, празднично-обрядовая, культурно-хозяйственная, а также идеологическая, фольклорно-музыкальная. Они разворачиваются в сферах общественной жизни, которые безусловно пересекаются, взаимосвязаны, и

наше условное выделение данных форм основано на обобщении тех фактов, явлений, движений и процессов, которые наблюдают исследователи.

В первую очередь, конечно, следует сказать о *религиозной форме неотрадиционализма*. В системе религиозных верований коренных народов Сибири центральное место занимал шаманизм, как вера в духов природы, в которой особое значение уделялось посреднической деятельности между людьми и данными духами представителей особого сословия — шаманов. Процесс возрождение шаманизма полным ходом пошел в русле общего возрождения национальных культур с 1990-х годов, и наблюдается он исследователями на Алтае, в Туве, Хакасии, Забайкальском крае, Иркутской области, Бурятии. Шаманизм является архаической религиозной системой народов Сибири, и новые шаманистские общества, движения, даже съезды представляют собой именно «поднятие» архаических культурных пластов, намерения и самих шаманов, и всех, кто их поддерживает, обращается к ним — укрепить древние основы этнических культур, наладить связь нынешних поколений с той цепью культурной преемственности с предками, которая была оборвана в советские времена. Тем не менее укрепление позиций православия и буддизма, как более поздних религиозных систем, распространившихся на территории Сибири, также можно рассматривать как направление неотрадиционалистских движений, поскольку выполняет ту же задачу восстановления и укрепления социокультурной идентичности. И если приверженность мировым религиям подразумевает духовное самосовершенствование людей, т. е. решение задач морально-нравственного оздоровления общества, ввергнутого в постсоветский период в ценностный вакуум «двойного отказа» (от атеизма, до этого разрушавшего религиозность), то неотрадиционалистский шаманизм, с одной стороны, призывал к восстановлению этики поведения с окружающей природой, а с другой — способствовал профессионализации данной группы священнослужителей. Разумеется, есть терминологические дискуссии о том, кого называть настоящими шаманами, что может являться традиционным шаманизмом, а что подпадает под категорию «псевдо» (псевдошаманизм, псевдошаманы). Всплеск интереса к шаманам и шаманизму, в том числе у туристов, способствовал и развитию туристических, костюмированных форм данной традиции, ориентированных прежде всего на выгоду и прибыль.

Очень хорошо наблюдается в сибирских регионах развитие *празднично-обрядовой формы неотрадиционализма*, в основе которой лежат специфические для каждой культуры традиции календарной культуры, хозяйственных циклов земледельцев, животноводов, трудовой этики, семейных и общинных взаимоотношений, а также религиозные воззрения. Одним из самых массовых действий для ряда регионов стали праздники встречи нового года по лунному календарю. Например, на Алтае такой праздник называется Чага-Байрам, в Туве — Шагаа, Хакасии — Чыл-Пазы, Бурятии — Сагаалган. Региональными властями за этими праздниками, даты которых каждый год определяются в соответствии с фазами лунного календаря, устанавливается статус выходного праздничного дня, широко проводится разъяснительная популяризационная работа по смыслу праздника, его истокам, порядку проведения, деталям обрядности и пр. Основное назначение подобных празднеств на сегодня, которое проводят власти регионов, состоит в реставрации культурных этических норм, что должно способствовать моральному оздоровлению общества. Древние традиции народов осуждали пьянство, насилие, непочтительность и пр.; поддерживали уважение к старшим, к накопленному опыту, прививали трудолюбие и др. Соответственно сози-

дательный, охранительный потенциал традиций в нынешних условиях смешения, размывания ценностей стал чрезвычайно востребован. Это понимают и власти, и интеллектуальные слои общества. Данные идеи находят отклик и в широких массах. В этом смысле экономический интерес к данным мероприятиям, которые одновременно и стали событийными элементами для этнокультурного туризма в регионах, на наш взгляд, уступает тем широким социокультурным задачам, которые они могут решать и в определенном роде уже решают.

Культурно-хозяйственная форма неотрадиционализма связана с традициями хозяйствования, бытовавшими у коренного населения Сибири много веков, — животноводства (в том числе кочевого: оленеводства, коневодства, яководства, овцеводства), переработкой продукции животноводства, земледелия, промысловой охоты, рыболовства, собирательства. Особую актуальность восстановление подобных видов деятельности приобрело для коренных малочисленных этносов, проживающих вдали от центров урбанизации, промышленности, которые и в советские времена продолжали сохранять традиционный образ жизни. Тем не менее все сельское население территории Сибири (как и всей России) стоит перед задачей такой организации хозяйствования, которая позволяла быть не просто производительными, но и успешными, конкурентоспособными. Разумеется, этнокультурные традиции могут стать основой для производства редкой, подчас уникальной, а значит, конкурентоспособной продукции, однако успех зависит также и от организации сбыта. Поэтому данная задача должна решаться не только самими производителями, но и властями, за которыми и обеспечение законодательной базы, и соответствующий налоговый фон, и привлечение внимания к своим малым сельскохозяйственным, животноводческим хозяйствам. Не везде эта политика последовательно реализуется, но ряд успешных инициатив имеется. В Туве, например, подобная практика сотрудничества «низов» и «верхов» вылилась в программу «Одно село — один продукт», которая началась в 2013 г. как губернаторская. Объявляя в преддубильный год данный проект, глава республики тогда заявил, что необходимо создавать материальные бренды, которые бы передавали самобытность Тувы, ее дух. Все муниципалитеты республики должны были определиться со своими ключевыми экономическими приоритетами — сформировать свои бренды. Разумеется, планы не ограничивались исключительно традиционными видами продукции сельхозпроизводителей, но тем не менее малое предпринимательство на селе, в том числе основанное на этнокультурных традициях хозяйствования, получило поддержку для развития.

Идеологическая форма неотрадиционализма усматривается нами в активизации общественно-политических дискуссий о социокультурной самобытности, уникальности, своеобразии исторического пути регионов. В определенной форме начало подобной тенденции пришлось на 1990-е годы, когда республики стали восстанавливать свои исторические самоназвания, самоназвания коренных народов, и связано это было с общим процессом возрождения национальных культур, желанием подчеркнуть свою уникальность после длительного периода действия политики советизации и унификации. Впоследствии тенденция стала разворачиваться на уровне наименований вновь созданных предприятий, организаций разного профиля, вплоть до ветвей власти (например, название «хурала»), названий фирм, магазинов, отелей и пр. Идеи брендов регионов, так распространившиеся на территории всей страны, в условиях Сибири выразились также в актуализации имен и особенностей биографии исторических деятелей, даже мифологических персонажей, символов и образов куль-

туры, которые позволяют территории заявить о себе, подчеркнуть свою уникальность. При этом мы полагаем, что нынешний расцвет подобной формы неотрадиционализма после периода активной «десоветизации» плавно влился в русло тех мировых процессов локализации культур, противящихся глобализации и вестернизации (вспомним, противостоящие друг другу образы Лексуса, как символа индустриализации, и Оливы, символа традиционной культуры, Т. Фридмена; см.: Фридмен, 2003).

Фольклорно-музыкальная форма неотрадиционализма, продолжая и развиваясь в тесном переплетении с уже названными формами, выражает стремление представителей культур восстановить традиционные формы устной культуры, зрелищного, песенного искусства, позволяющие поддерживать интерес населения, и прежде всего молодежи, к культурному наследию, а также популяризировать его не только в своей культурной среде, но и за ее пределами. Именно в русле данных процессов выступают артисты, музыканты, исполнители горлового пения — традиционного вида пения народов Центральной Азии (хоомей — в Туве, кай — на Алтае). Как отмечают этномузыковеды, в частности В. Ю. Сузукей, современные изменения данной традиции свидетельствуют о незаурядных творческих потенциях горлового пения, о его способности к новым проявлениям (Сузукей, 2007). Сегодня искусство горлового пения существует как в своем первозданном виде, так и в современных музыкальных формах, где оно соединяется с различными жанрами популярной и авангардной музыки. Оно вписался в волну общего интереса к жанру world music — мировой, этнической музыки с ее уникальными формами, и безусловно стало одним из важнейших элементов туристической привлекательности для регионов.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В Северо-Кавказском федеральном округе также сконцентрирована значительная часть национальных субъектов Российской Федерации: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край. При этом в большинстве субъектов региона, за исключением Северной Осетии и Ставропольского края, преимущественно мусульманское население. Исследователями отмечается разный уровень урбанизации большинства титульных народов Северного Кавказа, составлявший на начало XXI в. 35–45% (что соответствует среднероссийскому показателю начала 1950-х годов) (Суций, 2013: 75).

Миграция русского и русскоязычного населения, происходившая в 1990–2000-е годы, а также выезд за пределы республик наиболее предрасположенных к интеграции с культурой «большой» России молодых людей титульных национальностей привели к серьезным потерям в социокультурной сфере городов Северо-Кавказского региона. Городские сообщества, постоянно подпитываемые сельскими мигрантами, в своей повседневной практике сохраняют осязаемые элементы этнокультурной традиции.

В качестве форм неотрадиционализма здесь мы выделяем прежде всего религиозную, социально-этическую, идеологическую, социально-политическую.

Социально-этическая форма неотрадиционализма. Многие аспекты частной и общественной жизни горцев Северного Кавказа регулирует адат — система социальных норм. Р. М. Абакарова называет адат естественно выработанным нравственно-правовым регулятором в этнокультуре Кавказа (Абакарова, 2003). Исследуя феномен обыч-

ного права в традиционной культуре горцев Северного Кавказа, С. М. Гозгешева отмечает морально-этические кодексы, которые «определяют этническую идентичность (адыгагъэ — адыгство, апсуара — абхазство, нохчалла — чеченость и др.), выступают системообразующим самовоспроизводящимся институтом этносоциума» (Гозгешева, 2011: 294). В настоящее время довольно часто встречаются некоторые нормы адата, вступающие в противоречия с действующим законодательством РФ (кровная месть или полигамия).

Как пишет С. Я. Сущий, «активность и действенность горизонтальных (горизонтально-сегментированных) социальных отношений — это повышенная способность кавказцев к групповой самоорганизации по этническому (семейному, родовому, а иногда и региональному) признаку» (Сущий, 2013: 238).

В современной ситуации высоких экономических и политических рисков конфликтности, сопровождающих современные реалии Северо-Кавказского федерального округа, особую востребованность приобретают формы урегулирования конфликтных ситуаций, характерные для традиционных обществ и обеспечивающие его стабильность. Традиционный горский этикет включает своеобразный *институт старшего*, значимость которого выявляется при разрешении внутри- и межтукхумных конфликтных ситуаций, личностных конфликтов. Р. Д. Хунагов и А. Ю. Шадже отмечают, что «на Кавказе всегда ценилось искусство диалога, как умения слушать и, советуясь со старшими по возрасту, находить компромиссные решения. <...> С этим неизменно соседствуют идеи толерантности, гуманизма, доброжелательства, которыми наполнен ряд кавказских обычаев и норм поведения. Это константа этнического облика, свойственного кавказцу» (Хунагов, Шадже, 2001: 79). По мнению Х. Г. Тхагапсоева, «трансформация института старшего, которая произошла в советское время и, в общем, воспринималась как «унижение», «деформация» и «забвение» этнических традиций (этничности), в эпоху современных либерально-демократических реформ обернулась, как показывают факты, резким ростом адаптивности кавказских этносов к новым, динамичным жизненным ситуациям» (Тхагапсоев, 2007: 44). «Старшим», отмечает Х. Г. Тхагапсоев, ныне практически признается и оказывается тот, у кого наибольший ресурс (символический, экономический, властный) в данной группе, в данный момент времени. Заключение мирного договора конфликтующими сторонами — *маслиат* (араб. — «примирение», «выгода в интересах сторон») (Магомедсалихов, 2008) — это традиция, сохранившая свою роль в институте адата и актуализировавшаяся в пространстве новых социокультурных и экономических условий.

Одновременно внедрить свою модель социального жизнеустройства пытается исламская культурная система (*религиозная форма неотрадиционализма*). Например, характерным явлением для некоторых районов Дагестана, преимущественно горных, стало ограничение, иногда — полный отказ от общего образования для девочек. Массовый характер отказ от обучения в школе имеет в селах, о которых говорят как об анклавах, сохраняющих вековые традиции, — Губден, Хаджалмахи, Цунта (Арифмезова, 2014: Электр. ресурс; Жители дагестанского ... , 2009: Электр. ресурс). Отказ от общего образования вызван высокой степенью религиозности и приоритетом мусульманских культурных ценностей. Кроме того, дагестанцы с высокой степенью исламской идентификации осуждают совместное обучение детей обоих полов и трактуют современную систему общего образования как не соответствующую нормам ислама. В таких семьях ограничиваются начальным образованием девочек в общеобразовательных школах, после чего образование продолжается в исламских учебных заведе-

ниях, и девочку активно включают в ведение домашнего хозяйства. Среди причин, обусловивших укрепление традиционализма в обществе, исследователи этнической культуры народов Северного Кавказа называют политическую, идеологическую и экономическую нестабильность региона (Яхьяев, 2012: Электр. ресурс), а тяготение к религиозности оказывается поиском и нахождением стабильности.

Особым типом переплетения социально-этической и религиозной форм неотрадиционализма можно назвать *практику многоженства*, получившего легальную форму в связи с активным проникновением ислама в социокультурное пространство Северо-Кавказского региона. В. О. Бобровников отмечает влияние институтов и духовных ценностей ислама на общественно-политическую жизнь Северо-Кавказского региона, особенно Дагестана и Чеченской Республики: «Шариатский образ жизни стал восприниматься как путь возрождения кавказских мусульман» (Бобровников, 2005: 213). На распространение полигамии оказало влияние непропорциональное соотношение мужчин и женщин, а также ментальная установка ортодоксальных мусульман, согласно которой регламентированное Кораном многоженство соответствует шариату и органично для института мусульманской семьи (Албогачиева, 2011: 445).

В качестве специфического проявления неотрадиционализма в пространстве социальных отношений в восточной части Северо-Кавказского региона (Дагестан, Чеченская Республика) можно рассматривать возвращение к практике *абречества* (бандитизма, «абреки» — «лесные братья»). Традиционная культура дагестанских горцев включала культуру насилия, которая наряду с обычаем кровной мести включала абречество. Практика грабительских походов, отмечает А. О. Булатов, «связана с общинно-родовым укладом, с действующими институтами родо-племенной демократии» (Булатов, 2011: 435). В исследовании, посвященном истории абречества и актуализировавшейся практике абречества в постсоветский период, В. О. Бобровников рассматривает абречество как определенную социальную практику определенного периода, отмечает преемственность между историческими формами разбоя на Северном Кавказе и современным региональным экстремизмом, лидерами которого выступают профессиональные бандиты. «Развитие абречества как современной культуры насилия посттрадиционного горского общества продолжается. Сегодня это явление стало одной из новых, по существу, российско-советских “традиций” северокавказского общества», — утверждает исследователь (Бобровников, 2000: 42). Современное исламизированное бандподполье развивает традицию абречества на новой, обусловленной социально-политическими, религиозно-экстремистскими вызовами, платформе.

Идеологическая форма неотрадиционализма также наблюдаются в регионе. Рассуждая о необходимости модернизационного рывка для дальнейшего цивилизационного развития России, В. А. Авксентьев отмечает неравномерность модернизационных настроений на территории страны. В частности, указывается на свойственное Северному Кавказу преобладание традиционалистских умонастроений: общественное сознание «зациклено» на прошлом, в нем слабо присутствует интерес к настоящему и к будущему. По мнению ученого, это проявляется в гипертрофированном увлечении историей и этнографией, непропорционально высоком статусе гуманитарной интеллигенции и гуманитарного образования, в повышенной религиозности (Авксентьев, 2012: 371).

Социально-политическая форма неотрадиционализма выразилась в актуализации кланового принципа структурирования общества. Формирование клановости оказалось следствием расширения роли кровнородственных отношений в социальной

структуре. Род (*тухум*, *тукхум*) и клан — близкие, но стадийно различные социальные структуры. Компоненты этносоциальной структуры общества в моноэтнической Ингушетии — *тейп* (род), *тукхум* (союз тейпов) — с исторически сложившимися институционализированными органами управления являются «логической стадией развития идеи политического управления» (Чабиева, 2011: 200) и априори исключают конкуренцию по этническому признаку.

Основанный на кровнородственных отношениях, клан приобретает особый социально-политический статус в полиэтнических регионах. Например, в Дагестане в силу сложной социально-экономической ситуации, этнической мозаичности и неравномерности этнокультурной динамики формирование клановой структуры общества, структурирование политической системы по принципу этнического квотирования и как следствие — образование клановых корпораций во власти порождают латентное межэтническое противостояние и взаимные претензии.

Если родовая (*тукхумная*) идентификация дагестанца определяет его наиболее положительные характеристики в глазах общества (древность рода, наличие родственников, пользующихся всеобщим признанием и уважением), то клановая идентификация в современных социально-политических условиях сопровождается неоднозначными, порой негативными коннотациями. Исследователи социальной структуры Дагестана отмечают общие экономические интересы членов клана и близость их к властным структурам (Гереев, 2013: Электр. ресурс). В рамках привычной, традиционной «платформы» родовой (*тукхумной*) идентификации дагестанца клановая идентификация стала новым уровнем социокультурной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом мы подчеркнем, что выделенные нами тенденции архаизации и формы неотрадиционализма достаточно условны, взаимопересекаются, взаимосвязаны. Возможны и иные классификации, типологии, которые позволят зафиксировать и отделить неназванные тенденции актуализации многовекового, в том числе архаического культурного опыта, традиций, которые бытуют ныне, в частности у народов России. Все это можно назвать определенного рода социальной реакцией на кардинальные перемены — теми социальными процессами ответного характера, которые позволяют населению адаптироваться к переменам, осмысливать их, пытаться использовать.

Как мы можем видеть, в основных чертах тенденции архаизации и неотрадиционализма в Сибири и на Северном Кавказе имеют много сходного. Прежде всего речь идет о процессах религиозного неотрадиционализма, который тесно связан с социальной формой. Различия в выделенных формах означают то актуальное, что на сегодня можно наблюдать в разных регионах. Если говорить о различиях, то мы можем отметить разную степень жесткости социальных связей и отношений, которая ныне восстановлена в соответствии с традиционными нормами региональных сообществ и которая во многом обусловлена религиозными предписаниями и в целом разницей уровней традиционной социокультурной жизни, которой достигли народы в ходе своего исторического развития до XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакарова, Р. М. (2003) Этнос этноса. Нравственно-регулятивная роль традиции в этнокультуре. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 186 с.

Авксентьев, В. А. (2012) Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб. : СПбГУП. С. 370–372.

Албогачиева, М. С. (2011) Полигамия в современной Ингушетии // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН. 565 с. С. 444–445.

Арифмезова, Г. (2014) Место дагестанской женщины [Электронный ресурс] // Кавказская политика. URL: http://kavpolit.com/articles/mesto_dagestanskoj_zhenschiny-6226/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 22.05.2014).

Ахиезер, А. С. (1997) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. Новосибирск : Сибирский хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.

Бобровников, В. О. (2000) Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. № 1 (8). С. 19–46.

Бобровников, В. О. (2005) Политизация шариата на постсоветском Северном Кавказе: проекты и мифы // Россия и современный мир: Проблемы современного развития : материалы 1-й межвуз. науч. конф. Москва, 14–15 апр. 2005 г. / под ред. Д. В. Васильева. М. : Ин-т бизнеса и политики. С. 213–220.

Булатов, А. О. (2011) Проблемы современных межнациональных отношений в России (с учетом фактора внутренних миграций): мифы и реальность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3–4. С. 435–445.

Гереев, Р. (2013) Этнические кланы Дагестана в свете прихода к власти «команды» Абдулатипова [Электронный ресурс] // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. URL: <http://flnka.ru/politika/1239-etnicheskie-klany-dagestana-v-svete-prihoda-k-vlasti-komandy-abdulatipova.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.05.2014).

Гозгешева, С. М. (2011) Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3. С. 293–300.

Жители дагестанского села Губден не пускают детей в школу по религиозным соображениям (2009) [Электронный ресурс] // РИА Новости — Юг. URL: <http://ug.ria.ru/incidents/20090401/81800767.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 22.05.2014).

Ламажаа, Ч. К. (2009) Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 44–48.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 88–93.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 35–42.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Лапшин, В. А. (2014) Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 102–108.

Магомедсалихов, Х. Г. (2008) Маслаат — самобытная форма разрешения конфликтов // Вопросы истории. № 6. С. 137–142.

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011) Феномен социокультурного неотрадиционализма / под ред. Е. А. Тюгашева. СПб. : Алетейя. 132 с.

Николаева, Е. В. (2004) Неотрадиционализм в культуре повседневности (Российская версия конца XX века) : дис. ... канд. культурологии. М. 170 с.

Сузукей, В. Ю. (2007) Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М. : Композитор. 408 с.

Суций, С. Я. (2013) Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М. : Ленанд. 432 с.

Тхагапсоев, Х. Г. (2007) Кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации: к методологии анализа и механизмам регулирования // Этнократии на Юге России в экспертном измерении. Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. С. 36–67.

- Фридмен, Т. (2003) *Lexus и олива. Понимая глобализацию* : пер. с англ. СПб. : Весь. 519 с.
- Хунагов, Р. Д., Шадже, А. Ю. (2001) Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. № 3. С. 77–80.
- Чабиева, Т. С. (2011) Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 17. № 5–6. С. 200–205.
- Яхьяев, М. Я. (2012) Общее и особенное в этнической культуре дагестанцев [Электронный ресурс] // Политическое образование. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/166960> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.05.2014).

Дата поступления: 20.05.2014 г.

ARCHAIZATION AND NEOTRADITIONALISM:

REGIONAL FORMS IN RUSSIA

CH. K. LAMAZHAA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES),

M. SH. ABDULAYEVA

(DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

In the 1990s, archaic sociocultural programs actualized in various regions of Russia through accepting a variety of forms. These variations were determined by sociocultural traditions of the local ethnicities. To provide a more relevant analysis of these processes, a team of researchers have set up a collaborative scholarly database titled “Russian models of archaization and neotraditionalism” (www.neoregion.ru).

We define archaization as a mass, unconscious and spontaneous turn towards the archaic cultural meanings and social practices, a process which arises in a number of societies during the crisis of modernizing development. Archaization is closely intertwined with neotraditionalism as a conscious attempt at reviving the traditions of ethnic culture, including the archaic ones, in order to resolve the issues of the society’s sociocultural development. In this article, we generalize the forms both processes take in Siberia and the Northern Caucasus.

Such forms of neotraditionalism as the religious, festivoous and ceremonial, cultural-economic, ideological, folklore and musical ones are typical for Siberia, whereas the Northern Caucasus can be best characterized by the rise of religious, socioethical, ideological and sociopolitical forms of neotraditionalism. The archaization trends and forms of neotraditionalism we have pointed out are quite conventional, interconnected and overlapping.

The processes we have observed in Siberia and the Northern Caucasus have a lot in common. Above all, these are the processes of religious neotraditionalism closely connected to its social form. The differences lie in the varying rigidity of social links and relations, which is largely due to religious attitudes and to the general distinctions between traditional sociocultural lives peoples of both regions have historically achieved prior to the 20th century.

Keywords: archaization, neotraditionalism, Siberia, North Caucasus, forms of neotraditionalism, religious revival, clan system, neoshamanism, Islamization.

REFERENCES

- Abakarova, R. M. (2003) *Etos etnosa. Nравственно-регулятивная роль традиции в этнокультурной жизни* [The Ethos of Ethnicity: The Moral and Regulatory Role of Tradition in Ethnic Culture]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society. 186 p. (In Russ.).
- Avksentieva, V. A. (2012) Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на Юге России [Economic and Sociocultural Determinants of Regional Conflicts in the South of Russia]. In: *Dialog kul'tur v usloviakh globalizatsii: XII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 17–18 maya 2012 g.* [Dialogue of Cultures under Globalization: 12th International Likhachev Academic Readings]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences Press. Vol. 1. Doklady [Papers Presented]. Pp. 370–372. (In Russ.).

Albogachieva, M. S. (2011) Poligamiia v sovremennoi Ingushetii [Polygamy in Contemporary Ingushetia]. In: *IX Kongress etnografov i antropologov Rossii* [The 9th Congress of Russia's Ethnographers and Anthropologists]. Petrozavodsk, The Karelian Research Center of the RAS Press. 565 p. Pp. 444–445. (In Russ.).

Arifmezova, G. (2014) Mesto dagestanskoi zhenshchiny [The Role of the Woman in Dagestan]. *Kavkazskaia politika* [online] Available at: http://kavpolit.com/articles/mesto_dagestanskoi_zhenshchiny-6226/ [archived in WebCite] (accessed 22.05.2014). (In Russ.).

Akhiezer, A. S. (1997) *Rossia: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaia dinamika Rossii)* [Russia: A Critique of Historical Experience (Sociocultural Dynamics in Russia)] : in 2 vols. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ. Vol. 1. Ot proshlogo k budushchemu [From the Past to the Future]. 804 p.

Bobrovnikov, V. O. (2000) Abreki i gosudarstvo. Kul'tura nasiliia na Kavkaze [Abreks and the State. The Culture of Violence in the Caucasus]. *Vestnik Evrazii*, no. 1 (8), pp. 19–46. (In Russ.).

Bobrovnikov, V. O. (2005) Politizatsiia shariata na postsovetском Severnom Kavkaze: proekty i mify [Politicizing the Sharia in the Post-Soviet Northern Caucasus: Projects and Myths]. In: *Rossia i sovremennyi mir: Problemy sovremennogo razvitiia* [Russia and the Contemporary World: Development Issues] : Proceedings of the 1st International conference. Moscow, April 14–15, 2005 / ed. by D. V. Vasilieva. Moscow, The Institute of Business and Politics Press. Pp. 213–220. (In Russ.).

Bulatov, A. O. (2011) Problemy sovremennykh mezhnatsional'nykh otnoshenii v Rossii (s uchetom faktora vnutrennikh migratsii): mify i real'nost' [The Problems of Contemporary Interethnic Relations in Russia (With Regard to Internal Migration)]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4, pp. 435–445. (In Russ.).

Gereev, R. (2013) Etnicheskie klany Dagestana v svete prikhoda k vlasti «komandy» Abdulatipova [Dagestan's Ethnic Clans and the Rise to Power of the Abdulatipov "Team"]. *Federal'naia lezginskaia natsional'no-kul'turnaia avtonomiia* [online] Available at: <http://flnka.ru/politika/1239-etnicheskie-klany-dagestana-v-svete-prikhoda-k-vlasti-komandy-abdulatipova.html> [archived in WebCite] (accessed 20.05.2014). (In Russ.).

Gozgesheva, S. M. (2011) Fenomen traditsionnykh institutov obychnogo prava (adata) i musul'manskogo (shariata) na Severnom Kavkaze [The Phenomena of the Legal Institutes of Adats (Common Law) and the Sharia (Moslem Law) in the Northern Caucasus]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologiya, iurisprudentsiia, politologiya, kul'turologiya*, no. 3, pp. 293–300. (In Russ.).

Zhiteli dagestanskogo sela Gubden ne puskaiut detei v shkolu po religioznym soobrazheniiam (2009) [People of the Gubden Village in Dagestan Keep Their Children Off School Out of Religious Considerations]. *RIA Novosti — Iug* [online] Available at: <http://ug.ria.ru/incidents/20090401/81800767.html> [archived in WebCite] (accessed 22.05.2014). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2009) Problema arkhaizatsii obshchestva [The Problem of the Archaization of Society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 44–48. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Arkhaizatsiia, traditsionalizm i neotraditsionalizm [Archaization, Traditionalism and Neotraditionalism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 88–93. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) Arkhaizatsiia obshchestva v period sotsial'nykh transformatsii [The Archaization of Society in the Period of Social Transformations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 35–42. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen* [Society Archaization. The Tuvan Phenomenon]. Moscow, Librokom Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Lapshin, V. A. (2014) Neotraditsionalizm v Tsentral'noi Rossii: formy, dvizheniia, ideologiya [Neotraditionalism in Central Russia: The Forms, Movements, Ideology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 102–108. (In Russ.).

Magomedsalikhov, Kh. G. (2008) Maslaat — samobytnaia forma razresheniia konfliktov [The Maslaat as an Indigenous Form of Conflict Resolution]. *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 137–142. (In Russ.).

Madiukova, S. A. and Popkov, Yu. V. (2011) *Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma* [The Phenomenon of Sociocultural Neotraditionalism] / ed. by E. A. Tiugashev. St. Petersburg, Aleteia Publ. 132 p. (In Russ.).

Nikolaeva, E. V. (2004) *Neotraditsionalizm v kul'ture povsednevnosti (Rossiiskaia versii kontsa XX veka)* [Neotraditionalism in the Everyday Culture (The Russian Version in Late 20th Century)]: diss. ... Candidate of Culturology. Moscow. 170 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Iu. (2007) *Muzykal'naiia kul'tura Tuvy v XX stoletii* [The Musical Culture of Tuva in the 20th Century]. Moscow, Kompozitor Publ. 408 p. (In Russ.).

Sushchii, S. Ya. (2013) *Severnyi Kavkaz: Realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka* [Northern Caucasus: Realities, Issues and Prospects in the Early 21st Century]. Moscow, Lenand Publ. 432 p. (In Russ.).

Tkhagapsoev, Kh. G. (2007) *Kavkazskaia identichnost' v protsessakh rossiiskoi sotsiokul'turnoi transformatsii: k metodologii analiza i mekhanizmam regulirovaniia* [The Caucasian Identity in the Course of Russian Sociocultural Transformation: On the Methodology of Analysis and the Regulation Mechanisms]. In: *Etnokratii na Iuge Rossii v ekspertnom izmerenii* [Ethnocracy in the South of Russia in Expert Investigations]. Rostov-on-Don, The North Caucasus Research Center of Higher School at South Federal University Press. Pp. 36–67. (In Russ.).

Friedman, T. (2003) *Lexus i oliva. Ponimaia globalizatsiiu* [The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization]: transl. from English. St. Petersburg, Ves' Publ. 519 p. (In Russ.).

Khunagov, R. D. and Shadzhe, A. Yu. (2001) *Kavkazskii faktor v sovremennoi Rossii* [The Factor of the Caucasus in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 77–80. (In Russ.).

Chabieva, T. S. (2011) *Nekotorye osobennosti sootnosheniia poniatii «teip» i «vird» v ingushskom obshchestve* [Some Correlations between the Notions of “teip” and “vird” in the Ingush Society]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, vol. 17, no. 5–6, pp. 200–205. (In Russ.).

Yakh'iaev, M. Ya. (2012) *Obshchee i osobennoe v etnicheskoi kul'ture dagestantsev* [The General and the Particular in the Ethnic Culture of the Dagestanis]. *Politicheskoe obrazovanie* [online] Available at: <http://www.lawinrussia.ru/node/166960> [archived in WebCite] (accessed 20.05.2014). (In Russ.).

Submission date: 20.05.2014.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: lamajaa@mail.ru

Абдулаева Медина Шамильевна — доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой музыковедения, хорового дирижирования и методики музыкального образования Дагестанского государственного педагогического университета. Адрес: 367003, Россия, г. Махачкала, ул. Ярарского, д. 57. Тел.: +7 (8722) 62-57-95. Эл. адрес: m-medina71@yandex.ru

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Vice-director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities, full member of the International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: lamajaa@mail.ru

Abdulayeva Medina Shamilyevna, Doctor of Culturology, Associate Professor, Chair, Department of Music Studies, Choral Conducting and Methodology of Music Education, Dagestan State Pedagogical University. Postal address: 57 Yaragsky St., Makhachkala, Dagestan, Russia Federation, 367003. Tel.: +7 (8722) 62-57-95. Email: m-medina71@yandex.ru